

Наконец, в салон влезла Эльвира, грузно плюхнулась на сидение и крикнула шоферу:

— Федор! Поехали!

— Слушаюсь, госпожа, — водитель завел мотор и мягко тронулся с места.

Эльвира нажала какую-то кнопку на подлокотнике, и появилась заслонка из матового стекла, которая сразу же отделила шофера от основного салона. Следом поднялись и тонированные стекла.

— Значит так, — резко сказала хозяйка, — Слушай меня внимательно, дура мухосранская! Теперь у тебя начинается новая жизнь. А какой она будет, решай сама.

— Как это? — удивилась девушка.

— Как? — Эльвира закатилась базарным смехом, — Еще не врубилась, дура?

— Почему вы меня душой называете? — обиделась Тина, — Я школу с отличием закончила.

— Да плевать я хотела на твоё отличие! — гогоча, как гусыня, крикнула хозяйка, — Оно тебе больше не понадобится! Рабыне вообще образование ни к чему!

— Какой еще рабыне? — девушка заерзала на сидении.

— А вот такой! — Эльвира с размаха залепила девушке пощечину, — На пол, шлюха, на колени! Руки назад, голову поднять!

— Да пошла ты! — Тина попыталась открыть дверь.

— Куда? — вторая оплеуха сбросила её на пол.

Тина почувствовала, как старичок крепко схватил её за плечи и заломил руки за спину. В следующий момент запястья ощутили холод стали. Раздались два коротких щелчка — это наручники сковали девушке руки. Короткий пинок в живот, рот сам открылся и тут же был заткнут резиновым шаром-кляпом, умело засунутым за зубы и закрепленным ремнями на шее.

— Наклонить голову к моим ногам! — приказала Эльвира, — Запоминай, дрянь, как нужно вести себя при госпоже!

Машина быстро мчалась в неизвестном направлении, мягко подсакивая на ухабистой дороге, а Тина, насмерть перепуганная, закованная в тяжелые стальные наручники и заткнутая, как

опасная преступница, стояла на коленях, согнувшись к самым ногам хозяйки, и бесшумно плакала, кляня судьбу и Алину, но больше всего себя саму за жадность и доверчивость.

Рабыня Ти

В подвале было темно и сыро. Бетонные стены пахли плесенью, а каменный пол источал сильный смрад, вызывавший тошноту. Тина лежала на гнилой соломе у противоположной от входа стены. Руки были скованы за спиной тяжелыми наручниками, на ногах при каждом движении позвякивали кандалы, словно напоминая о себе. Широкий металлический ошейник плотно обхватывал шею девушки, а толстая цепь, тянувшаяся от него, была пристегнута к кольцу, врезанному в стену.

Пленница была обнажена, а голова её, коротко обстриженная, была запакована в тесный кожаный шлем с маленькими прорезями для глаз, носа и рта. Сам же рот был забит куском грубой холстины и закрыт широкой накладкой с ремнями, которые туго закреплялись пряжками на затылке, лишая возможности вытолкнуть кляп.

Тело, исеченное следами от плети, нестерпимо саднило при каждом, даже самом малом движении, разбитые в кровь губы опухли, голова, зажата в кожу уродливого шлема, кружилась, а в глазах прыгали радужные зайчики. Сильно хотелось есть и пить.

Невольница попыталась припомнить, сколько времени она сидит в этом каменном мешке, но ничего не получалось. Ведь её еще ни разу не выводили отсюда.

Заскрипела тяжелая металлическая дверь, зажегся тусклый свет, и в помещение ... вошла стройная девушка. Одета она была в узкие кожаные брюки и белую майку с глубоким вырезом, что позволяло судить о размерах её груди. На ногах блестели высокие сапоги, достававшие своими голенищами до половины бедра. В руках у неё была сложенная пополам кожаная плеть. Лица Тина не разглядела, только отметила, что волосы отливали золотом и доставали до лопаток.

— Хватит прохлаждаться, рабыня! — громко сказала девушка и щелкнула плетью по полу, — Хозяйка хочет тебя видеть! Встала быстро!

Тина начала медленно подниматься. Извиваясь, как змея, она смогла встать на колени. Упершись спиной в холодную стену, девушка поднялась во весь рост. Шейная цепь натянулась и стала душить. Блондинка взмахнула плетью, и невольница инстинктивно сжалась, ожидая удара. Но бить её не стали. Пристегнув к ошейнику тонкий поводок и отцепив от стены, девушка потащила её из подземелья.

Шли они долго, то поднимаясь по бесконечным лестницам, то снова спускаясь. Но вот, наконец, блондинка привела Тину в небольшую хорошо обставленную комнату.

Скорее всего, это был рабочий кабинет Госпожи Эльвиры: большой двухтумбовый письменный

стол из красного дерева, на котором были в беспорядке разбросаны бумаги и папки, чернильный прибор из черного мрамора с двумя золочеными ручками и часами в середине. Довершал эту картину огромный дисплей, сдвинутый в бок.

В кожаном кресле с высокой спинкой, закинув обе ноги на стол, сидела хозяйка кабинета и лениво потягивала какую-то бурую жидкость из большого пузатого бокала. Блондинка подтолкнула Тину ближе к столу и ловкой подсечкой опустила её на колени. Рукояткой плети она приподняла подбородок пленницы и указала на Эльвиру.

— Смотреть на госпожу, рабыня! — приказала она.

Эльвира, не отрываясь от своего бокала, осмотрела девушку и почему-то нахмурилась.

— У этой мерзавки грудь красивее моей, — обиженно сказала госпожа.

— Прикажете выжечь? — блондинка хлестнула Тину по соску.

— Еще не решила, — Эльвира поставила бокал на стол, — Может, потом.

Медленно встав из-за стола, она подошла к девушке и еще раз измерила её взглядом.

— Рика! — сказала она властным тоном, — Я поручаю тебе это животное. Отнесись к её воспитанию со всей строгостью. Не жалей эту тварь и сама не ленись. Только не покалечь.

— Не беспокойтесь, госпожа, — злорадно заулыбалась блондинка, — Я справлюсь. Разрешите идти?

— Погоди, — госпожа еще раз взглянула на Тину, — Этой обезьянке надо дать имя. Как там её звали?

Почесав лоб, Эльвира выдавила из себя:

— Отныне, рабское отродье, тебя будут звать Ти. Пожалуй, подойдет.

— Благодарю госпожу, — Рика отвесила сильный подзатыльник, от которого девушка упала на пол, — Целуй ножку, дрянь!

Раздался свист, и плеть сильно обожгла плечи Тины. Девушка замычала и забилась, пытаясь подняться, но после второго удара затихла.

— Убери эту провинциальную вонючку отсюда, — брезгливо сказала хозяйка, — Приведешь её,

когда отдрессируешь.

Рика резко дернула поводок, и ошейник врезался в подбородок. Тина попыталась встать сама, но со скованными сзади руками и короткой цепью на ногах сделать это оказалось невозможно. Девушка снова упала на колени. Блондинка, протянув её еще раз плетью, схватила за руку повыше локтя и одним рывком поставила на ноги.

— Ты меня о смерти молить будешь, — прошипела она, таща Тину по коридору, — Только не надейся, что легко подохнешь. У меня её еще заслужить надо.

Рика приволокла Тину в подвал и снова посадила на цепь, «наградив» парой ударов плетью. Пробубнив какие-то непонятные слова, она вышла из комнаты, но дверь не заперла и не выключила свет. Но шейную цепь сделала совсем короткой, и пленница не могла сесть даже не корточки, не то, что лечь.

Блондинка вскоре вернулась, неся в руках миску, наполненную ржаными сухарями, и пластиковую бутылку с водой. Все это она поставила перед Тиной на пол, а сама отошло в сторону. При виде еды у девушки чуть не случился голодный обморок, а Рика, поставив всё это на пол, нагло улыбнувшись, вышла из камеры.

Дотянуться до миски не давала цепь. Но если бы и появилась такая возможность, Тине всё равно не удалось бы ничего сделать. Ведь рот до сих пор был заткнут. Слезы отчаяния навернулись на глаза сами собой. Пленница завывала, как раненая волчица, дергаясь в оковах, но только выбилась из сил и чуть не захлебнулась собственной слюной.

Снова раздались шаги, и дверь со страшным скрежетом открылась. На пороге вновь появилась Рика.